

Гарри начинал понимать, что хочет сказать мастер Петри, но все еще не осознавал, к чему это приведет. Чародейство, колдовство и некромантия — вот области, составляющие Другого. Название «некромантия» стало популярным термином, который объединял в себе все три области, когда первые два использовались в сочетании с последним. Гарри знал, что это три совершенно разных направления магии, которые каким-то образом переплетались в одно искусство. Хотя это не было редкостью, совсем не обычным было для волшебника овладеть хотя бы одним видом магии за всю жизнь. Для большинства людей было практичнее быть в лучшем случае посредственным во всем, достаточно искусным в заклинаниях, которые они регулярно применяли, и совершенно невежественным в более эзотерических знаниях. Время и усилия, необходимые для того, чтобы стать мастером в какой-либо из этих областей, часто не оправдывали себя для менее заинтересованных в учебе. Теперь, когда он об этом задумался, становилось странно, что мастер Петри действительно мог быть мастером в трех таких разных предметах. Но почему поднимать эту тему сейчас? — Крестраж — это заклинание, как вы сказали, сэр, — неловко произнес Гарри. Слово «крестраж» звучало как-то неправильно, словно что-то мерзкое и запретное. Он подозревал, что именно так оно и было. Попытка вспомнить отвращение лишь усилила странное, болезненное чувство, которое терзало его с момента ритуала — это не было тем же самым, но все равно вызывало неприятные ощущения. — Да, и это очень деликатно. Идеальный Крестраж требует абсолютного мастерства, — сказал мастер Петри, и в его голосе появилось ощутимое превосходство. Почти насмешливый тон поразил Гарри больше, чем сами слова. Он почувствовал, как внутри него разгорается гнев, и на мгновение удивился этому чувству — это была единственная «горячая» эмоция, которую он испытывал после ритуала. Его кулаки сжались, он открыл рот, чтобы заговорить, но острые края Крестража, впивающегося в его руку, отвлекли его. Какие претензии он мог бы предъявить? Если мастер Петри, опытный волшебник, не смог провести идеальный ритуал, то кто еще мог бы сделать это для Гарри? Очевидным решением было бы вовсе отказаться от создания Крестража, но с учетом того, что мастеру Петри было позволено диктовать его действия во имя образования, это не было вариантом. Тем не менее, грызущее беспокойство внезапно охватило его, и слова срывались с языка: — Это ведь сработало, не так ли? Сработало? Все, что он делал, должно было что-то значить. — Сработало, — ответил мастер Петри, звучавший слегка насмешливо. Гарри вздрогнул, не зная, расстроиться ему или обрадоваться, даже смутиться от собственного облегчения. Затем мастер Петри, казалось, потерял последние остатки терпения. Он издал громкий вздох, поставил пузырек с кровью на стол позади себя, достал палочку и легким щелчком вызвал зеркало. — Посмотри на это, — приказал он. Гарри взглянул и увидел себя — маленького, худого и бледного, который равнодушно смотрел на него. Мастер Петри уронил зеркало на пол, оно жалобно звякнуло и отскочило. Раздраженно фыркнув, он поднял ногу и топнул по нему. Стекло разлетелось вдребезги под его сапогом. Гарри вздрогнул и отскочил назад. В его разуме в одно мгновение промелькнула глупая фраза о семи годах невезения, которую он, должно быть, когда-то слышал от Дадли. Не похоже было, что его удача может стать значительно хуже. Затем он вспомнил, что невезение ожидало мастера Петри, а не его самого. А позже — что это глупое суеверие, и удивился, почему до сих пор об этом думает. — Посмотри на это сейчас, — произнес мастер Петри, вырывая Гарри из его странных раздумий. Гарри проследил за взглядом мастера, опустившимся к осколкам стекла на полу. На полу валялись дюжина случайных осколков, но несложно было представить, как они могли бы сложиться в целое. Гарри подумал, не так ли выглядит сейчас его душа. Затем он вспомнил, что мастер Петри говорил — пытался говорить — о том, что душа не существует, и задумался, возможно ли вообще ее увидеть. Мастер Петри почти лениво взмахнул палочкой, и один из осколков поднялся на уровень глаз Гарри. Он увидел половину своего лица, отрезанную зазубренным краем. — Это хорошее зеркало? — спросил мастер Петри. Гарри засомневался, не был ли это вопрос с подвохом. Быстро взглянув на нетерпеливое выражение лица мастера, он решил ответить. — Я думаю, да, — произнес он, стараясь звучать более уверенно, чем чувствовал на самом деле. Он ясно видел

себя, и если бы отошел чуть дальше, мог бы рассмотреть себя еще лучше. Пренебрежительное движение палочкой, и все осколки всплыли и собрались вместе, хотя и не в целое, как это было бы при заклинании Репаро. — Хорошее ли это зеркало? — вновь спросил мастер Петри. — Э, вроде того, — пробормотал Гарри, не совсем уверенный в этом. Под неодобрительным взглядом учителя он попытался уточнить: — Нет, не совсем. Я имею в виду, что вижу себя, но это не очень хорошее отражение — линии и всякие штуки... Он решил замолчать. Кусочки стекла плавно слились воедино. — А это? — спросил мастер Петри, глядя на получившуюся картину, очевидно, риторически. — Да, — всё же ответил Гарри. — Это твоя «душа», — заявил мастер Петри с оттенком презрения. — Я не могу сломать ее голыми руками, просто согнувшись, — сказал он, даже не потрудившись что-либо продемонстрировать. Он снова уронил зеркало, поднимая ногу с некоторой силой. Оно разбилось вдребезги снова. — Невыразимый поступок, — произнес он, наклонившись, чтобы поднять его. Отломился кусочек, который он взял вместо оригинала. Затем мастер Петри произнес заклинание дублирования, и точная копия разбитого куса появилась, зависнув на кончике его палочки. — Твой Крестраж, — объявил он, возвращая оригинал — или это был дубликат? — на треснувшее зеркало. Сделав шаг вперед, он вновь прижал зеркало ногой, и хрустальный звук заставил Гарри рефлекторно вздрогнуть. — Твоя смерть. — Но на этом жуткая аналогия не закончилась и не получила предсказуемого продолжения. Мастер Петри протянул осколок зеркала, называемый «Крестраж», и постучал по нему своей волшебной палочкой. Осколок начал расти, и вскоре стал примерно такого же размера, как и разбитое зеркало. — Это твое воскрешение, — произнес он с иронией, а затем, чуть пристально взмахнув палочкой, заставил грудку стеклянных осколков на полу исчезнуть. Гарри медленно осознал, что его охватывает ужас. Он посмотрел на то место, где лежали осколки, на большой зазубренный кусок зеркала, а затем вниз, на настоящий Крестраж в своей руке. — Это не я, это моя копия, плохая копия, — пробормотал он, всё еще глядя на предмет в своей руке. — Неплохая, — резким тоном поправил Мастер Петри. Гарри медленно осознал, что тот, похоже, шутит. Он пытался понять, как это связано с отсутствием души, но не нашел ничего путного. — А что насчет дементоров? Что будет, если... — он запнулся, увидев, что Мастер Петри полностью готов продемонстрировать, что произошло. Тот наколдовал еще одно зеркало и перевернул его, показав серую обратную сторону. — Что такое зеркало без серебрения? — спросил он, точно срезав тонкий слой стекла и направив оставшуюся часть под углом к Гарри. — Это просто стекло, — сказал он, вглядываясь в прозрачную поверхность. — Да. Больше никакого отражения, никакого осознания себя. Это также и забвение, — произнес Мастер Петри. На мгновение Гарри окаменел от мысли, что на него сейчас наложат заклинание, но затем понял, что Мастер Петри просто произносит беззвучное заклинание — это было заметно по его тону. После этого он произнес еще одно беззвучное заклинание, и кусок стекла исчез. Мастер Петри поднес другой кусок к лицу Гарри. — Это всё еще зеркало, хотя оно утратило почти всё, чем когда-то было. Твое отражение осталось нетронутым. Но эта вещь, которую люди называют душой, не так хорошо определена, как отражение. Затем Мастер Петри заставил всё исчезнуть и создал нечто новое. Это была чаша. Он поставил её на пол, и по взмаху его палочки вода аккуратно выплеснулась с конца, брызгая в чашу и быстро наполняя её. — Если ты хочешь назвать это душой, то можешь. Это всего лишь слово. Но это то, что есть, — сказал он. Мастер Петри сделал несколько перемешивающих движений палочкой, и вода завихрилась, словно невидимая ложка мешала её. Гарри безмолвно уставился на своё колеблющееся, искаженное отражение.